

Зла, добра ли?

Ты вся — не отсюда.

Мудрено про тебя говорят:

Для иных ты — и Муза, и чудо.

Для меня ты — мученье и ад.

Александр Блок

Содержание

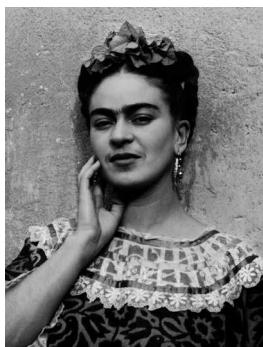
Гала Дали
Праздник
для гения

9

Наталья
Гончарова
Мадонна
великого
поэта

81

Фрида Кало
Я люблю тебя,
жизнь...

27

Полина Виардо
Вдохновляй
и властвуй

101

Эди Седжвик
Жить
текущим
мгновением

45

Алиса Лидделл
Девочка
из Страны чудес

119

Беатриче
Портинари
Божественная
муза Данте

63

Айседора
Дункан
Танец,
страдание
и страсть

137

Лиля Брик
Пытка
вдохновением

155

Йоко Оно
Роковой ангел
Леннона

227

Зельда
Фицджеральд
Принцесса
эпохи джаза

173

Джульетта
Мазина
Хрупкая
клоунесса
Феллини

245

Анита
Палленберг
Секс,
наркотики,
рок-н-ролл

191

Катрин Денев
Мадемуазель
Безупречность

263

Линда
Маккартни
Большая
любовь
сэра Пола

209

Ума Турман
Муза
с самурайским
мечом

281

Гала Дали

Праздник для гения

Женщина-муза, женщина-хищница, женщина-мать, женщина-любовница... Все эти роли Гала отыгрывала с одинаковой страстью и увлечением. Она чувствовала в себе призвание пестовать гениев. Если бы не ее неуемная энергия и природный дар предвидения, кто бы узнал о Поле Элюаре, занявшем свое место на поэтическом олимпе Франции? А несносный юный эксцентрик Сальвадор Дали? Он никогда бы не стал королем сюрреализма, растратив свою фантазию на эпатаж и не сказав веского слова в искусстве.

Гала (праздник, торжество) — это имя дал ей первый супруг — Поль Элюар. Жгуче красивая, сильная, властная, умная, одаренная утонченным вкусом и деловой хваткой, Гала была для двух своих главных мужчин и вдохновением, и верной подругой, и каменной стеной. Ее можно осуждать за жесткость и меркантильность, именовать алчной гарпиеей, но нереально отказать ей в великолепии и магнетизме. Всмотритесь в ее черные пронзительные глаза, бездонные, как вечность, и горящие, как раскаленные угли!

Детство Гала Прекрасной

Лена, Елена Дмитриевна Дьяконова, появилась на свет 29 августа 1894 года в Казани. Ее мать, Антонина Дьяконова, после смерти мужа, простого чиновника, вышла замуж за старого друга семьи, успешного московского адвоката Дмитрия Гомберга. Прислуга даже поговаривала, что Лена на самом деле и есть дочь адвоката. Как бы там ни было, отчим обожал девочку, никогда ни в чем ей не отказывал и делал все, чтобы она получила хорошее образование.

Гомберги были счастливой парой, оба безумно преданные искусству, литературе и своей стране. Их дом отличался гостеприимством. Поэты, художники, издатели, университетская профессура — весь цвет

интеллигентской элиты города почитал за честь собираться под кровом Гомбергов и проводить время в жарких спорах о прекрасном и злободневном. Здесь декламировали стихи и прозу, спорили до хрипоты, отстаивая свои убеждения, музиковали с упоением и просто наслаждались обществом друг друга. Еще будучи совсем девочкой, Гала, сгорая от любопытства и стараясь не привлекать внимание старших, незаметно пробиралась в гостиную и устраивалась на мягкой софе, чтобы слушать взрослые разговоры. Много времени она проводила и с отчимом, который любил ее как родную дочь. Он с удовольствием вел с ней долгие задушевные беседы об их общей всепоглощающей страсти — литературе.

Когда девочке исполнилось 17 лет, семья переехала в Москву, где Елена поступила в столичную гимназию. Учеба, подруги, грядущее замужество и простое женское счастье — казалось, будущее предрешено, оно должно быть точно таким же, как у большинства сверстниц ее круга. Но судьба уготовила Елене особый жизненный путь, феерически яркий. Ей не придется играть роль добродетельной матери семейства, потому что она станет женой-музой двух гениев — основателя поэтического авангарда Поля Элюара и короля сюрреалистической живописи Сальвадора Дали. А разве могло быть иначе? Ведь даже подруги у Гала были непростыми — сестры Цветаевы, Анастасия и Марина. Да-да, та самая великая Марина, чьи стихи вошли в сокровищницу мировой поэзии.

«В полупустой классной комнате на парте сидит тоненькая длинноногая девочка в коротком платье. Это Елена Дьяконова. Узкое лицо, русая коса с завитком на конце. Необычные глаза: карие, узкие, чуть по-китайски поставленные. Темные густые ресницы такой

длины, что на них, как утверждали потом подруги, можно рядом положить две спички. В лице упрямство и та степень застенчивости, которая делает движения резкими», — так описывала лучшую подругу Анастасия Цветаева.

Девочки быстро нашли друг друга. Умные, эксцентричные, все трое — яркие индивидуальности, они часто собирались у Цветаевых,

чтобы посмеяться, почитать стихи, поиграть на рояле и поболтать обо всем, что может прийти в девичьи головы. Возможно, искреннее восхищение Мариной и ее даром повлияло впоследствии на решение Гала стать женой юного поэта Эжена Гренделя, который благодаря ее усилиям и поддержке прославится как Поль Элюар. Кто знает?

Удивительно, но жизнь Елены Дьяконовой сложилась бы иначе, если бы не проблемы со здоровьем. С детства она была подвержена частым простудам и много болела. А когда девочке исполнилось 16 лет, у нее обнаружили туберкулез. Отчим, встревоженный страшным диагнозом, тут же решил отправить свою любимую дочь на лечение к лучшим профессорам Швейцарии, в дорогой санаторий в Швейцарских Альпах.

«Клавадель» — колыбель первой любви

*П*ростиившись с родными, Елена отбывает в 1912 году в санаторий «Клавадель» на лечение. Там, в сказочных Альпах, она должна пробыть два года. Первое время, прилежно

посещая процедуры и врачей, девушка почти все вечера проводит в обществе книг и деревенской природы, вздыхая от скуки. Часто, во время прогулок, она встречается с пациентами соседних лечебниц. Так, ничего не значащие светские

беседы. Но однажды случай сводит ее с молодым французом Эженом Эмилем Полем Гренделем — тем самым, кого через несколько лет во Франции узнают как Поля Элюара. Он иногда заглядывал в «Клавадель», чтобы полюбоваться с каменных террас живописными горными пейзажами и завести новые знакомства. Ему было почти семнадцать, он тоже лечился от туберкулеза.

Эжен, сын богатого торговца недвижимостью, был далек от всего материального и увлекался поэзией. Молодые люди сошлись легко, у них нашлось много общих тем для разговоров. Постепенно дружеские отношения переросли в настоящее чувство. Елена, восхищенная талантом друга, стала его поэтической музой и верной помощницей. Семнадцатилетний мальчик, влюбленный в стихи, настолько покорил ее сердце, что она поверила в его великое будущее. Но, несмотря на охватившее ее чувство, Елена придерживается строгих правил и никогда не переступает границы дозволенного.

Все время, проведенное в санатории, девушка посвящает Полю и его литературному поприщу, а тот часами работает над стихами под руководством своего нежного критика.

Именно там, в «Клаваделе», Элюар создал два первых поэтических сборника, вскоре увидевших свет. Часть стихов в обоих сборниках посвящена Гала, вдохновительнице и верному другу.

«Какое-то время я поддерживала знакомство с автором. Его стихи кажутся мне гениальными. Они — результат его идеально освещенной души». Это выдержка из предисловия Гала ко второму сборнику стихов — «Диалог бесполезных», таинственно подписанному анаграммой *Reine de Paleuglen* — «Полю (Р) Элюару (Е) Гренделю (G). Элен (Ellen)». Под псевдонимом Поль Элюар Грендель молодой человек увереной поступью войдет в поэтическое общество.

Увы, время бежит быстро, и настает пора возвращения в Россию, причем в самый разгар Первой мировой войны. Влюбленным придется пережить два года разлуки, они пишут друг другу нежные письма и надеются на скорую встречу. Елена не может существовать вдали от любимого. После долгих домашних баталий и споров она все-таки смогла выпросить у родителей разрешение переехать в Париж и стать женой Поля Элюара. С безрассудством юности она

Поль Элюар (1895 — 1952) — один из самых знаменитых и плодовитых французских поэтов XX века. На его счету свыше ста поэтических сборников. В годы Второй мировой войны он в рядах Сопротивления сражался с фашистами. Гала Дали была не единственной музой в его жизни. В 1934 году он женился на Марии Бенц (Нуш), которая надолго стала источником его вдохновения.

Шестнадцатилетняя Елена Дьяконова — будущая Гала (1910)

без сожаления закрывает первую главу своей жизни, навсегда покинув родительский дом и сменив обычное имя Елена на великолепное Гала.

Позже, после 15 лет супружества, она точно так же оставит в прошлом Элюара и их общую дочь Сесиль. Но Гала никогда нельзя было судить по общим правилам. Иначе смог ли бы брошенный ею Поль Элюар написать подобные строки: «Моя прекрасная, священная девочка, будь разумной и веселой. Пока я люблю тебя — а я буду любить тебя вечно, — тебе нечего бояться. Ты жизнь моя. Неистово целую тебя всю целиком. Хочу быть с тобой — обнаженной и нежной. Так называемый Поль. Р. С. Привет малышу Дали».

А пока перед ней — чарующий Париж, враждебно настроенные против больной русской девочки родители Поля и любимый муж, которому она прочит в великолое будущее.

Парижский бомонд у ног Гала

Венчание состоялось в феврале 1917-го в церкви Святой Женевьевы. Новоиспеченная мадам Элюар, несмотря на юный возраст (22 года) и отсутствие жизненного опыта, быстро завоевывает благосклонность парижского бомонда, осваивается в издательских и литературных кругах. Блестящая образованность и необычная красота Гала не остаются незамеченными.

Каждый ее выход в свет становится сенсацией, вызывая восхищение мужчин и нервный трепет у дам. Она не зря писала в своем дневнике: «Я буду, как кокотка, сиять, пахнуть духами и всегда иметь ухоженные руки с наманикюренными ногтями».

Самые модные и экстравагантные наряды от Шанель, изысканные манеры великосветской дамы, широкие взгляды и независимые суждения сделали ее настоящим событием в жизни парижского литературного общества. Она поддерживала своего супруга, искала для него выходы на издателей и училась его философски раскрепощенному мировосприятию.

Элюар же, быстро добившийся признания публики, обожал супругу, но не мог отказаться от новых источников вдохновения. Он постоянно менял любовниц и делался с женой своими впечатлениями. Гала довольно скоро усвоила его уроки, распроверив сладость плотских утех, а ее чувственность порой граничила с нимфоманией. Оба супруга без стеснения экспериментировали в любви. Даже рождение дочери Сесиль в 1919 году не умерило аппетиты этой

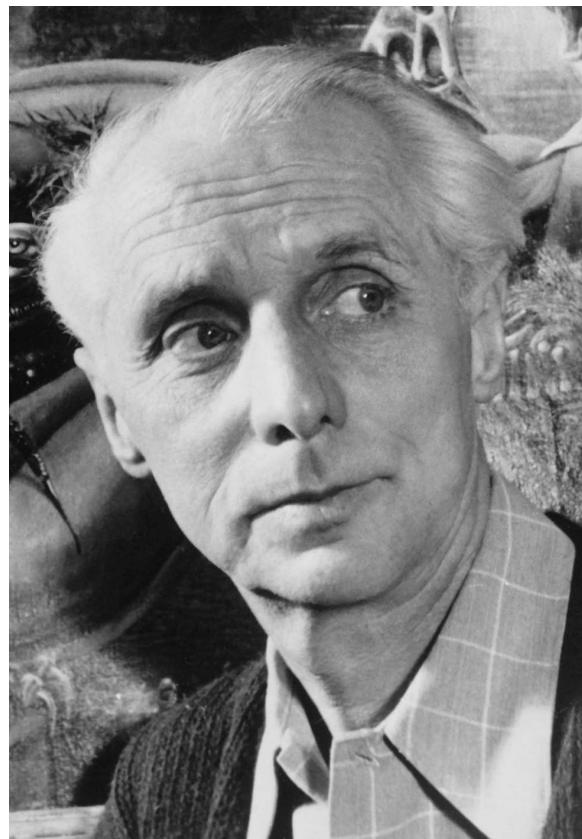
Поль Элюар (1895–1952) — знаменитый французский поэт, мастер любовной лирики

пары. Гала явно тяготилась материнскими обязанностями и с удовольствием доверила воспитание дочери свекрови, обожавшей внучку. Надо сказать, что материнские чувства вообще редко просыпались у Гала, в отличие от Элюара, который всегда был близок с дочерью. Когда Гала полюбит Дали, она спокойно вычеркнет дочь из своей жизни. Редкие встречи быстро сойдут на нет. Возможно, Гала посчитала предательством то, что во время Второй мировой войны, находясь в оккупированном немцами Париже, дочь, ради того чтобы выжить и прокормить семью, продала несколько картин Дали. И много лет спустя, находясь при смерти, она не захочет видеть Сесиль.

Свободный брак был для Элюаров нормой, понятия ревности не существовало. Пожалуй, одной из самых ярких любовных историй четы Элюар можно назвать треугольник, в котором принял участие немецкий художник Макс Эрнст. Он безумно влюбился в Гала, избрав ее натурщицей для своих полотен, и вскоре Элюары и Эрнст стали жить одной семьей. Позже, вспоминая то сладкое время, Гала откровенно будет высказывать сожаление, что «некоторые «анатомические особенности» не позволяли ей вступать в одновременный секуальный контакт с двумя мужчинами...»

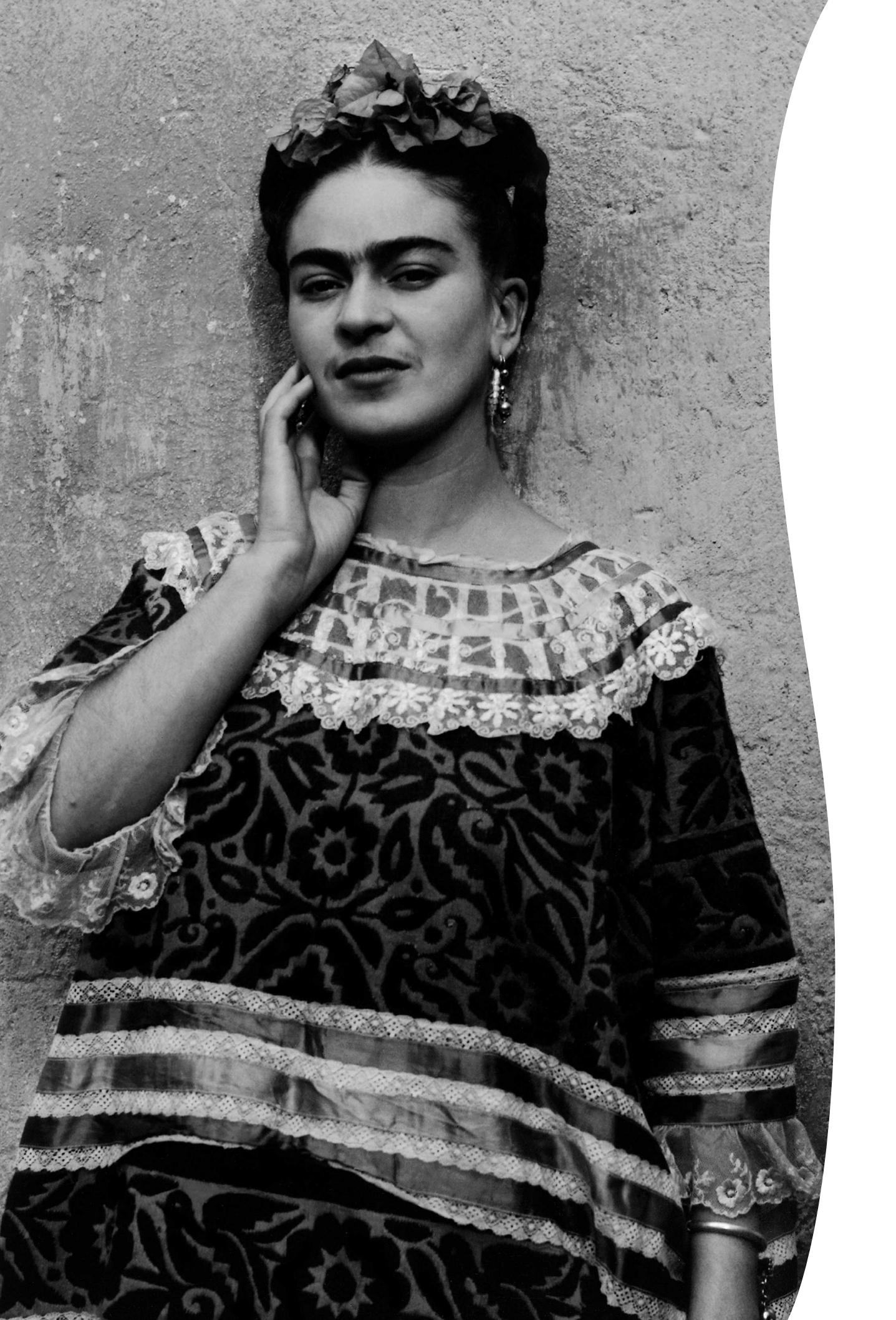
Возможно, Гала так и прожила бы до конца своих дней в роли музы великого французского поэта и жрицы свободной любви, если бы не встреча с молодым испанским безумцем Сальвадором Дали. Целых пять лет супруг надеялся, что Гала вернется, натешившись новым увлечением. Тщетно. Развод с Элюаром состоялся в 1934 году, но законной женой Дали она стала только после смерти бывшего мужа. А идея обвенчаться по законам церкви придет к Дали и Гала совсем уже в зрелом возрасте, в 1958 году.

Гала Элюар в начале романа с Сальвадором Дали (1930)

Макс Эрнст (1891–1976) — немецкий и французский художник, один из лидеров мирового авангарда XX века

Фрида Кало

Я люблю тебя, жизнь...

ФРИДА КАЛО, ТАЛАНТЛИВАЯ ХУДОЖНИЦА И ЯРКАЯ ЖЕНЩИНА С НЕСГИБАЕМОЙ ВОЛЕЙ, ПРОШЛА ПО ЖИЗНИ ГОРДО И НЕЗАВИСИМО, ПРЕЗРЕВ ФИЗИЧЕСКИЕ СТРАДАНИЯ. ОНА ОБЛАДАЛА ВЕЛИКИМ ДАРОМ — УМЕЛА БЫТЬ СВОБОДНОЙ И ПОТОМУ КАЖДЫЙ ДЕНЬ ПРОЖИВАЛА КАК ПОСЛЕДНИЙ — СТРЕМИТЕЛЬНО, КРАСИВО, НА ПРЕДЕЛЕ СИЛ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ. ТАК ЖЕ БЕЗОГЛЯДНО ОНА ОТДАВАЛАСЬ И ЛЮБВИ, НЕ ПРИЗНАВАЯ НЕДОСКАЗАННОСТИ И ЛЖИ. ЕЕ ХВАТАЛО НА ДВОИХ — ОНА ТВОРИЛА САМА И БЫЛА МУЗОЙ ДЛЯ СВОЕГО СУПРУГА, ХУДОЖНИКА Диего Риверы. Картины Фриды стали ЕЕ ЛИЧНЫМ ДНЕВНИКОМ, В КОТОРОМ ОНА ОТКРЫТО ГОВОРИЛА О БОЛИ, ОТЧАЯНИИ И НЕСБЫВШИХСЯ НАДЕЖДАХ, ГОВОРИЛА БЕЗ ПОЛУТОНОВ, ДОМЫСЛОВ, ТЕАТРАЛЬНОСТИ И ПРИУКРАШИВАНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

Становление характера: испытание болью

Фрида Кало родилась 6 июля 1907 года в Койоакане, пригороде Мехико, за три года до революционных событий, в результате которых был свергнут деспотический режим Порфирио Диаса. В те годы по улицам маршировали повстанцы — страна, доведенная до края нищеты, яростно сопротивлялась американской интервенции.

Отец Фриды, Вильгельм Кало, впоследствии сменивший имя на Гильермо, перебрался в Мексику из Германии в поисках счастья и новой жизни. Перепробовав разные профессии, он решил заняться фотографией и на этом поприще даже обрел некоторую известность. Здесь же, в Мексике, он нашел свою судьбу в лице прекрасной Матильды, дочери владельца ювелирного магазина.

Гильермо мечтал о сыне, и хотя Матильда родила ему четырех дочерей, стал образцовым отцом. Он души не чаял в своих девочках, но особенно любил Фриду, которая росла отчаянным сорванцом и целыми днями носилась с мальчишками по окрестным дворам. Девочка тоже тянулась к отцу, чувствуя в нем родственную душу, — мать казалась ей тогда слишком суровой и требовательной, потому что держала детей в строгости, в отличие от мягкого по характеру Гильермо.

После смерти отца в 1952 году Фрида напишет его портрет в стиле тех фото, которые он делал сам, где изобразит Гильермо в строгом костюме, стоящего в напряженно замершей позе на фоне желтой студийной драпировки с хаотичным узором из сперматозоидов и яйцеклеток, символизирующих ее появление на свет.

Под картиной с любовью и тщанием будет начертано: «Я написала портрет моего отца, Вильгельма Кало, германо-венгерского происхождения, художника и фотографа по профессии, человека благородного, умного, доброго и смелого... Обожаю его. Фрида Кало, его дочь».

Первое испытание на долю Фриды выпало в шесть лет, когда она заболела полиомиелитом. Из-за болезни ее левая ступня практически атрофировалась, и девочка не могла ходить. Отец делал все возможное,

чтобы дочь не осталась инвалидом: доставал лекарства, оплачивал массаж и лечебную физкультуру, — лишь бы вернуть ее к нормальной жизни.

После болезни одна нога у Фриды стала короче и тоньше чем другая, но пара-тройка чулок делали это незаметным, а длинные юбки или брюки полностью скрывалиувечье...

Но видя, как отчаянная девчонка, вместо

того чтобы плакать от обиды, наравне со всеми принимает участие в их дерзких забавах, прониклись к ней симпатией и уважением. Фрида быстро подружилась с новыми друзьями, а вот со сверстницами найти общего языка не могла. Ей не нравилось играть в куклы и шушукаться по углам — она предпочитала гонять в футбол, распевать непристойные песенки и носиться на велосипеде.

Никто никогда не видел на лице Фриды даже малейшего следа пережитых страданий. Уже тогда она научилась не выставлять напоказ ни боль, ни свои истинные мысли и чувства. После болезни Фрида погрузилась в мир грез и фантазий. Понимая, что ей никогда не стать такой, как другие, она выдумала себе двойника — красивую, смешливую, уверенную в себе девочку, которая жила яркой, интересной жизнью и ничего не боялась. Позднее Фрида писала в дневнике: «Я уже не помню ее лица, не помню, какого цвета у нее были волосы. Но помню, что она была веселая и много смеялась. Она была ловкая и танцевала так, словно ничего не весила. А я танцевала с ней и рассказывала ей все мои секреты...»

Первая любовь

*M*атильда, задумываясь о будущем дочери, была уверена, что хромоножка Фрида никогда не выйдет замуж. Поэтому, когда Гильермо предложил отдать девушку в Препараторию — Национальную подготовительную школу при университете, чтобы по ее окончании

она поступила на медицинский факультет, с энтузиазмом поддержала эту идею. Впрочем, и сама Фрида была рада такому решению, потому что давно мечтала о профессии врача — еще с тех пор, когда несколько месяцев провела в больнице.

И вот, блестяще сдав сложные вступительные экзамены, Фрида в 15 лет ста-

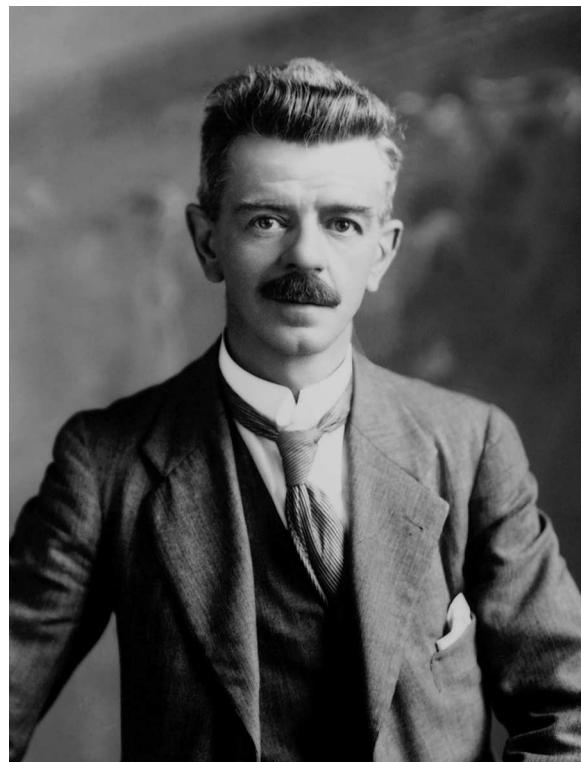
ла студенткой. Родные и друзья гордились ею, ведь в те годы в Мексике высшее образование для женщин было практически недоступно. По словам художницы Долорес Ольмедо, последней любовницы Диего Риверы, Фрида «оказалась в числе тридцати пяти женщин, которым впервые позволили учиться наравне с двумя тысячами студентов-мужчин».

Фрида быстро взрослела. Из угловатого подростка она превратилась в юную красавицу, стройную, темноволосую, с черными глазами и густыми бровями, сросшимися на переносице и придававшими ей особенный шарм и обаяние. Несмотря на мальчишеские ухватки и неизменный брючный костюм, девушка выглядела потрясающе сексуальной и при этом абсолютно естественной — в ней не было ни капли кокетства.

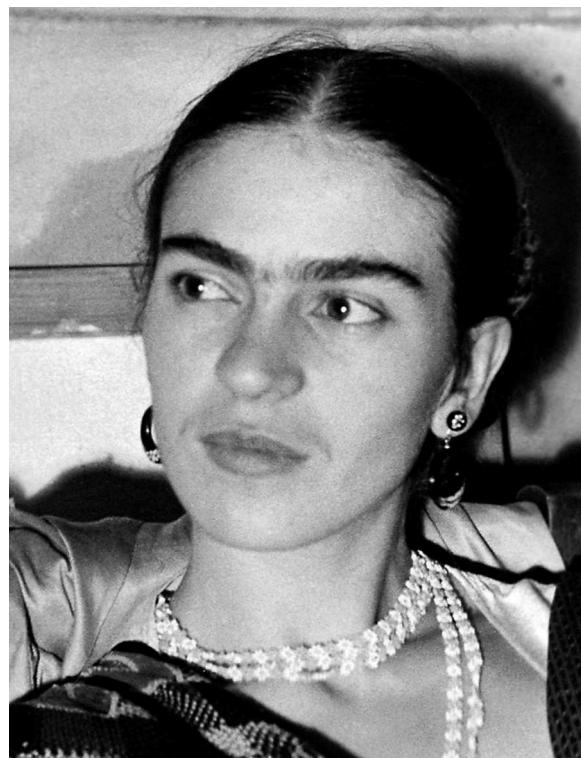
Еще на первом курсе Фрида прими-
кнула к студенческой группе «Качучас», в которую входила творческая молодежь — художники, литераторы, музыканты. На собраниях они много говорили о революции и новых направлениях в искусстве, с жаром спорили о политике и будущем своей страны. Там же, в «Качучас», Фрида встретила свою первую любовь: студент юридического факультета и журналист Александро Гомес был лидером и вдохновителем группы.

Молодых людей связала теплая дружба. Фрида часто посыпала возлюбленному нежные письма и называла себя его невестой. Александро отвечал ей взаимностью, но был менее пылок в проявлении чувств. Они оказались слишком разными: она — страстная, порывистая, темпераментная, чуточку эпатажная, он — спокойный, уверенный в себе, относящийся к ней покровительственно, как к маленькой девочке, и снисходительный к ее придумкам.

Фрида — жена, коллега и соратница Диего Риверы (1934)

Мексиканский фотограф Гильермо Кало (1871–1941), отец Фриды

Фрида грезила о путешествиях в другие страны и писала Александро в одном из писем: «Тебе не кажется, что мы должны что-нибудь сделать с нашей жизнью? Если мы всю жизнь проведем в Мексике, то так и останемся ничтожествами, и вообще, по-моему, нет ничего прекраснее путешествий, я прихожу в ярость от мысли, что мне не хватает воли сделать то, о чем я тебе говорю...» Но Александро отнюдь не жаждал приключений. Да и его родители иначе планировали будущее сына, в котором Фриде не нашлось места. Позже, когда возлюбленный женится на другой, художница напишет картину: две цветущие розы стоят в вазе, а третья упала на стол — лишняя, ненужная и забытая. Так выразится ее боль и отчаяние одиночества. Но это случится еще не скоро.

Выжить было невозможно...

А пока Фриду ждало новое испытание на прочность. Однажды вместе с Александро она ехала в автобусе и попала в ужасную аварию, которую опишет потом бесстрастно и во всех подробностях в своем дневнике: «Это случилось сразу

после того, как мы сели в автобус. Вначале мы ехали в другом, но я заметила, что потеряла зонтик, и мы вышли, чтобы его найти; вот так я и оказалась в автобусе, который разорвал меня в клочья. Столкновение произошло на углу, перед рынком Сан-Хуан. Трамвай ехал медленно, но водитель нашего автобуса был молод и нетерпелив. Трамвай повернул — и наш автобус оказался зажатым между ним и стеной... Неправда, будто люди в первую минуту осознают, что с ними произошло, неправда, будто они плачут. Я не плакала. От толчка нас всех бросило вперед, и обломок одной из ступенек автобуса пронзил меня, как шпага пронзает быка».

Александро, чудом не пострадавший в этой мясорубке, нашел окровавленную девушку под грудой железа и осколков. Если бы не он, Фрида вряд ли бы выжила. В больнице, куда ее доставили, врачи констатировали чудовищные последствия аварии: «Разрушение третьего и четвертого поясничных позвонков, переломы тазовых костей; перелом правой стопы; множественные переломы левой голени; вывих левого локтя, глубокая рана брюшной полости, произведенная металлическим стержнем, вошедшим че-

Неоконченный портрет Сталина кисти Фриды Кало в мастерской художницы

Фрида и Диего в Сан-Анхеле (фото Л. Райли, 1945)

рез левый бок и вышедшим через гениталии; разрыв почки; острый перитонит».

Как Фрида сумела пережить нечеловеческую боль и отчаяние, какие силы помогли ей — неизвестно. «Одно хорошо: я начинаю привыкать к страданию», — говорила она своей сестре, и в этой фразе, помимо иронии, чувствуется огромная сила и любовь к жизни.

С этого момента девушка погрузилась в себя, все чаще повторяя фразу: «Как я люблю тебя, жизнь, когда ты со мной...» Мир Фриды, еще недавно мечтавшей о кругосветных путешествиях, сузился до больничной койки, на которой она лежала, пристально всматриваясь в зеркало — его прикрепили по ее просьбе над ее головой. «Зеркало! Палач моих дней, моих ночей... Оно изучало мое лицо, малейшие движения, складки

простыни, очертания ярких предметов, которые окружали меня. Часами я чувствовала на себе его пристальный взгляд. Я видела себя. Фрида изнутри, Фрида снаружи, Фрида везде, Фрида без конца...» В клинике она начала рисовать, и живопись отныне стала для нее не только развлечением, но и способом выразить свои мысли и чувства, магическим зеркалом, в котором отражалась ее внутренняя жизнь.

Александро тем временем отдался от Фриды, хотя она продолжала писать ему проникновенные письма: «Ты не представляешь, как мне больно — каждый раз, когда меня поворачивают в кровати, я проливаю потоки слез... Вся моя жизнь в тебе, но насладиться этой жизнью я не смогу никогда... Когда ты вернешься, я не смогу дать тебе ничего такого, чего бы

тебе хотелось». Вскоре родители Александро, чтобы окончательно излечить сына от ненужной любви, настояли на его поездке в Германию. Он уехал, и теперь Фрида пришлось учиться жить заново.

В 1927 году, после многих месяцев страданий и мучительной борьбы с искалеченным телом, в которую она вложила всю свою необыкновенную жизненную силу, Фрида смогла наконец снова встать на ноги и даже вернулась в университет.

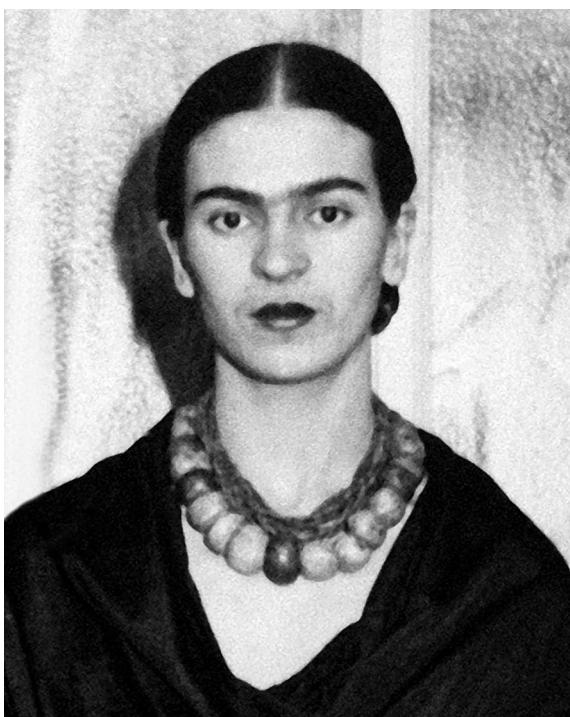
Живопись. Знакомство с Диего

иего Риверу, большого толстого человека вечно мятом костюме, Фрида впервые увидела еще в первый год учебы в Препаратории, когда он с двумя другими выдающимися мексиканскими живописцами — Хосе Ороско и Давидом Альфаро Сикейросом расписывал университетские стены героическими революционными сюжетами. Восхищенная талантом Риверы, Фрида тогда полуслутя заявила подругам: «Я обязательно выйду замуж за этого мачо и рожу ему сына». Однажды она даже решилась заговорить с художником, устроившимся на шатких лесах

в амфитеатре Боливара — большом актовом зале университета, и попросила разрешения присутствовать при его работе. «Она держалась с каким-то необычайным достоинством и уверенностью, в глазах пылал странный огонь. Ее красота была красотой ребенка, но грудь уже была хорошо развита», — писал позднее Диего о Фриде. Он запомнил эту девочку, так не похожую на других учащихся Подготовительной школы.

Теперь она, сама придя к живописи, часто встречала Риверу в художественных обществах и на вечеринках, но не спешила заводить с ним близкое знакомство. Диего нравился ей, но буйный нрав художника и его страсть к разгульной жизни пугали. И все же в 1928 году, когда Ривера расписывал стены министерства образования, выполняя один из государственных заказов, Фрида решилась показать ему несколько картин. Передавая работы, она с прямотой и дерзостью подростка обратилась к мэтру: «Комplименты мне не нужны. Мне нужны советы знающего человека. В искусстве я не любитель и не знаток. Я просто девушка, которой нужно работать, чтобы жить».

Несмотря на напускную фамильярность, молодая художница волновалась. Ее работы по большому счету еще нельзя было назвать картинами. В них заключался самый главный и мучительный вопрос к себе и миру: жить ли ей и как жить?

Фрида Кало в Филадельфии в марте 1932 года

Но Ривера сумел разглядеть в напористой девушке со странными манерами прирожденного художника. Позже в своих воспоминаниях он писал, что ее картины «передавали исполненную жизни чувственность, которую дополняла беспощадная, но очень чуткая способность к наблюдению». И его ответ вдохновил девушку: «Продолжайте. Ваша воля приведет вас к собственному стилю».

Встретившись с уже повзрослевшей Фридой, Ривера вспомнил ее не сразу и с удивлением обнаружил, как сильно она похорошела. В ней появилась уверенность в себе и внутренняя притягательная сила, вызывающая восхищение окружающих. Он узнал об аварии, о пережитых Фридой страданиях и, рассматривая ее пронзительные автопортреты, понял, что его влечет к ней несмотря на 20-летнюю разницу в возрасте. Они много времени проводят вместе, Диего становится частым гостем в доме Фриды, чувствуя, что «ее комната, ее лучезарный облик наполняют его упоительной радостью».

Матильда и Гильермо Кало не понимали выбора дочери и потому не сразу благословили ее союз с Риверой. В своем дневнике Фрида впоследствии писала: «Мои родители не соглашались на наш брак потому, что Диего был коммунистом, а еще потому, что он, как они утверждали, был похож на толстяка с картин Брейгеля. Они говорили, что это будет брак слона и голубки».

Бракосочетание было назначено на 21 августа 1929 года. Фрида выбрала для церемонии национальный костюм, одолжив его у горничной своих родителей, а Диего, напротив, оделся как грingo: он явился в строгом сером костюме, белой рубашке и с огромной техасской шляпой в руках. Мать Фриды, категорически не принявшая брак дочери, на регистрацию так и не пришла.

Спустя годы Фрида мрачно пошутит: «В моей жизни было две аварии: первая — когда я попала под трамвай, вторая — под Диего». Свадебная вечеринка надолго запомнилась всем приглашенным. Риверо набрался до такой степени, что принял палить из пистолета, и шальная пуля задела одного из гостей. А еще раньше разразился скандал, который устроила бывшая жена Диего — Мария Лупе. Она ворвалась в дом, где проходило торжество, и закатила экс-супругу сцену ревности. Впоследствии это не помешало ей и Фриде стать добрыми подругами — Мария даже учила свою преемницу готовить любимые блюда Диего.

Диего Ривера (1886–1957) как живописец придерживался в творчестве канонов классического европейского изобразительного искусства в сочетании с модернизмом, кубизмом и народными мексиканскими мотивами. В работах часто отражал свои политические воззрения. Так, в 1932–1933 годы для Рокфеллеровского центра в Нью-Йорке создал фреску с изображением Ленина и демонстрации рабочих на Красной площади.

Диего Ривера в Филадельфии в марте 1932 года